

РУССКАЯ СУДЬБА

“Мы, дети страшных лет России, забыть не в силах ничего”, — написал когда-то великий поэт Александр Блок. Но именно в такие страшные годы, в такие дни и решалась судьба нашей страны. Это остро ощущал большой русский поэт, живший после Блока, в ещё более грозную эпоху — Дмитрий Кедрин. А его дочери Светлане Кедринной, писательнице, поэтессе, оригинальному художнику-аппликатору по призванию, человеку, посвятившему всю свою жизнь делу увековечения памяти своего отца, популяризации его творчества, довелось, как и всем нам, пережить новое “страшное” время — эпоху разгрома и распада нашей Державы, проклятое время начала 90-х годов. Развал СССР открыл ловким и бесчестным людям безграничные возможности для обогащения, но простому народу великая катастрофа принесла только горе и страдание. Эта мысль ясно звучит на страницах дневников, которые мы предлагаем вниманию наших читателей, посвящая эту публикацию 75-летию Светланы Дмитриевны Кедринной, родившейся 1 марта 1934 года.

СВЕТЛАНА КЕДРИНА

“ВЕРНИТЕ НАМ СОЦИАЛИЗМ”

Из дневников начала 90-х годов

*В те дни решалась
общая судьба,
Моя судьба, твоя судьба, Россия...
Дмитрий Кедрин*

7 ноября 1991 г. “На каждом человеке лежит отблеск истории”, — прочитала я у Юрия Трифонова, и эти мои дневниковые записи, кажется мне, подтверждают эту мысль.

Никогда не думала, что в моей жизни снова, как в 1941–1942 годах, появятся очереди за продуктами, номера на ладони, только написанные не химическим карандашом, предварительно послонённым, а шариковой ручкой, что нужно будет вставить чуть свет и занимать очередь перед магазином, а потом ходить и проверять её, чтобы тебя признали, захотели впустить в крепко спаянный, человек к человеку, монолит. А если долго где-то ходишь, то могут и сказать: “Иди, иди, милая, гуляй. Видать, не очень-то тебе и нужно масло”. Ты будешь стоять как громом поражённая, но не сможешь разжалобить эту очередь — монолит.

Никогда не думала, что снова испытаю чувство голода, буду мечтать выпить стакан сладкого чая или достать после долгой беготни килограмм вожделенной чечевицы.

9 ноября 1991 г. Когда в восемь часов начинают пускать людей в магазин, сначала открыта лишь одна половина двери: мощный поток людей не даёт открыть вторую. Я видела, как в дверях упал старичок и, к счастью, какой-то сильный человек закрыл проём двери своей могучей спиной, и старичок успел подняться, иначе толпа бы его затоптала.

Люди остервенело рвутся к прилавкам, у всех безумные глаза, плотно сжатые губы, все пихают друг друга и обзывают бранными словами. Огромная разъярённая толпа ревет и мечется, не каждому дано выдержать её натиск. Попадая в её водоворот, забываешь, кто ты, что ты, и вместе со всеми рвёшься к прилавку – там вожаденное сливочное масло, колбаса и яйца.

В ноябре ажиотаж достиг своего апогея: людям все уши прожужжали по радио и телевидению про “либерализацию цен”. Теперь целью многих стало желание “ухватить” по прежней цене хоть что-нибудь, сделать хоть какой-нибудь запас.

Влетаешь в магазин, видишь очередь, находишь её конец. Что продают, никто не знает, все спрашивают друг у друга: “А что там? Кто знает, за чем стоим?” Наконец проходящий мимо человек говорит: “Баранки!” Я и рядом стоящая женщина одновременно рассмеялись: ни ей, ни мне баранки не нужны.

Некоторые люди целые дни проводят в магазине: авось что-нибудь “выкинут”. Они или сидят на ящиках, или подпирают стены. И порой “выкидывают”. Сейчас же возникает очередь, и люди “пишутся” – ставят номера на ладонях. Я невольно вспоминаю стихотворение моего отца, поэта Дмитрия Кедрина:

*Рассвет — осенней ночи глуше,
Какая мрачная пора!
На нас, как на кабаньих тушах,
Чернилом пишут номера.*

*Мы стерпим! Что нам эти муки:
Толкучка, непогодь и тьма?
Мы целый день не моем руки,
Чтоб как-нибудь не смыть клейма.*

*В Писанье сказано: “И паки
Блуждающим в кромешной мгле
Антихрист будет ставить знаки
На грешных дланях и челе”.*

Это написано в ноябре 1941-го, а сейчас – ноябрь 1991-го, а как похоже, неужели это правда, что в истории всё повторяется?

Тогда, в 41-м, всё было понятно и оправданно – шла война. Помню, люди молча и терпеливо чуть свет занимали очередь у сельпо. Когда наступила зима, по очереди бегали домой греться. Все ждали гнедую лошадейку, которая должна была показаться на шоссе: она везла долгожданный фургон с хлебом. Когда кто-нибудь из ребят первым замечал лошадь, он восторженно кричал: “Везут, везут!” Люди выстраивались в очередь, проверяли номер на ладони, на месте ли карточка, и ещё долго и безропотно ждали, пока продавщица примет товар, наденет белый фартук на телогрейку, приготовит ножницы, чтобы отрезать талоны. Та очередь и эта, нынешняя – это небо и земля, потому что сейчас нет войны, а есть только неразбериха, хаос, безответственность властей, неумение руководить, думать о народе и предвидеть будущее. Поэтому и волнуется народ, и клянёт власть, и, в который уже раз, пытается выжить и сохранить детей.

Мы теперь даже мечтаем о карточках, которые бы отоваривались, что упростило бы дело.

Сегодня по телевизору сказали, что “либерализация цен” будет с 15 декабря, а деньги в сберкассе “заморозят”, будут выдавать только пенсии.

Я с ужасом жду 15 декабря: ведь у нас только две пенсии – моя и моего мужа Георгия (200 руб. и 300 руб.), а цены вырастут в три раза. Дочь Наташа беременная, на её мужа надежда маленькая. Не оставляет мысль: как мы будем жить?

В магазинах – пустота, на прилавках лишь красная икра по баснословной цене, колбаса – по 40–50 рублей, вырезка по 30 рублей килограмм. Уже давно не ели сливочного масла, всё заправляем подсолнечным.

В одной из газет прочитала, как люди, простоявшие за подсолнечным маслом целый день, к закрытию магазина так его и не получили, они отказались уйти из магазина, пока не получат масло. Начальство закрыло свою лавочку и уехало. Родственники потерпевших начали звонить в морги и больницы, искать родных, кто-то догадался пойти к магазину и увидел внутри людей. Они просили позвонить в милицию и обо всём рассказать. Приехавшая милиция потребовала немедленно явиться работникам магазина. Наконец, в три часа ночи начали продавать масло, к пяти утра его получили все.

Трясусь над картошкой, которую мы сами вырастили в Черкизове. Её осталось немного. Она в сундуке на площадке, возле нашей двери. Сундук без замка. Однажды кто-то развязал проволочку от сундука. Отбросил её в сторону, но картошку не взял, её мало, и она мелкая. Ещё есть у нас квашеная капуста на балконе, есть ещё кое-какие запасы: мука, рожки, несколько банок консервов, талон на сахар за декабрь. Пока не голодаем, но по телевидению с упоением говорят о надвигающемся голоде, о катастрофическом положении с продовольствием в Москве: все области отказываются снабжать Москву, ненавидят её, всегда лучше живущую, лучше обеспеченную продуктами.

Я помню на улице Горького магазин “Сыр”, которого ныне и в помине нет, там обычно было выставлено десять-пятнадцать сортов сыра, а сейчас и не помню, когда его ела.

10 ноября 1991 г. “Не устраивайте у себя в желудке маленький Чернобыль”, – написано в “Московском комсомольце” о сгущённом молоке, выпущенном в городе Рогачёве (Белорусская ССР), о грузинском чае из Махарадзе, о сушёных грибах из Брянской области. Обнаруживаем у себя банку сгущённого молока из Рогачёва. Муж выкидывать не даёт, говорит, что съест его сам, на рынке такая банка стоит 25 рублей. Дочь заявляет, что банка излучает радиацию, а она беременная, ей надо остерегаться. Спорим, а выкинуть так и не решаемся: сгущённое молоко нынче – редкость, только по заказам дают, и то редко.

Сколько проблем породила наша несуразная власть, в какой тупик завела. Если бы не дело, которым занимаюсь, тоже бы, наверное, потеряла голову, как некоторые. А я сижу над своими работами, собираю из лоскутков яркие панно, создаю свой мир, в котором мне интересно. Я стремлюсь к гармонии и красоте, которые никогда не подведут. Работая, я создаю весёлую яркую вещь, которая помогает мне бороться с пессимизмом и печалью. В одежде я люблю полутона, скромные, блеклые цвета, а в моих панно – красное, оранжевое, лиловое. Соединяю несоединимое, и оно завязывается, дополняя друг друга. Вот и жизнь постучалась ко мне в дверь, сказала: “Пора, Светлана Дмитриевна, идти к людям, учить их создавать красоту, да и деньги нужны: скоро внук родится, а жизнь семейная у дочери не складывается”. С моей задумкой пока ничего не получается: люди смотрят, ахают, охают, восхищаются, а записываться боятся – “У нас не получится”. Правда, энтузиасты просятся заниматься с ними индивидуально.

15 ноября 1991 г. “Либерализацию цен” всё переносят и переносят, теперь на январь. А пока наши продавцы проводят свою “либерализацию”: на все продукты втихую повышают цены. Если начальные цены будут такими, простым смертным останется только умереть с голода. Как жить, если у меня нет работы, а Наташа учится в техникуме и ждёт ребёнка? Георгий стар и не может больше работать. “Что делать?” – вечный вопрос русской действительности мучает меня.

“Возможно, и зима 91–92-го повторит зиму 41–42-го не только морозами, но и голодом, и потрясением. Все признаки развала государства и общества налицо”, – утверждает в своей статье “Только и всего...” писатель Иван Васильев.

Выступал по телевидению писатель В. Максимов, он считает, что страна уже в пропасти, выхода не видит.

Страшно от собственной беспомощности, от всего, что творится вокруг. Вдруг вспомнила строки из отцовской поэмы “Хрустальный улей” или “1902 год”:

*Потрясая цепями, блуждает
В пространстве земля,
Одичалая родина гибнущего человечества.*

Господи! Подскажи всем нам, как жить! Господи! Помоги моему истрадавшемуся народу, не покинь нас в тяжёлую годину!

18 ноября 1991 г. Появилась в “Известиях” статья, посвящённая книге Даниила Андреева “Роза мира”. Автора сравнивают с Данте, создавшим свои “Ад” и “Чистилище”. И тут же дан портрет Андреева: удивительное, нездешнее лицо. Он десять лет провёл в лагерях за “покушение на Сталина”, читал друзьям по несчастью главы своего романа. Эта книга у него родилась в застенках! Такое озарение, такое проникновение в иные миры, в Космос. Даниил Андреев – необыкновенное, единственное в своём роде явление, ни с чем не сравнимое, ещё по достоинству не оценённое.

Для меня “Роза мира” – новый, необычайный мир, необычные образы, восприятие жизни и всего происходящего в ней. Я читала эту книгу несколько месяцев, я много раз возвращалась к прочитанному, пыталась запомнить имена. Хочу кое-что использовать в своих панно – “Небесный Кремль”, “Небесная Россия”. Мне близко одушевление им самой малой песчинки, любимой вещи, которой мы как бы даём душу. Я это всегда чувствовала. Вот хотя бы по отношению к папиному столу. Он для меня всегда был живым, одухотворённым. Если я его случайно ударяла, то просила у него прощения, гладила его, как собаку. Он помог написать мне книгу об отце, какие-то токи исходили от него. Я помню, как в детстве залезала под него и рассматривала его снизу – многочисленные дырочки от трутня, резные ножки. Любила под ним играть в куклы. Он был для меня целым миром. В войну я пряталась под ним во время бомбёжки. Теперь он совсем старенький, вместо чёрной кожи у него уже давно зелёный дерматин, он выкрашен бежевой масляной краской, короче, потерял свой былой шик. Мы попросили знакомого краснодеревщика подремонтировать стол, а он, видимо, не понял и сделал всё по-своему. Мы долго отцарапывали от него бежевую краску, это нам удалось сделать лишь сверху, а ножки у него так и остались бежевыми. Но и такой он мне дорог. Над ним висит папин портрет работы К. Радимова, стоят засушенные розы, которые мне подарили на папин юбилей, разные деревянные поделки, которые так любил отец.

26 декабря 1991 г. Давно не писала, а столько событий произошло: окончательно разрушен Советский Союз, создано содружество независимых государств, куда вошли все бывшие республики, кроме прибалтийских и Грузии. В Грузии льётся кровь: выступает оппозиция против президента Гамсахурдиа. Горбачёв оказался не у дел и подал в отставку. И Горбачёв, и Ельцин, оказывается, рождены в год Козы. Чего можно ждать от двух козлов? – считают некие люди, увлеченные астрологией. В России, выясняется, всегда успешно правили Лошади. И грустно, и смешно читать об этом.

В магазинах – столпотворение, цены растут, хоть ещё не объявлена “либерализация цен”. Купила Наташе за 1100 рублей сапоги, а в прошлом году они стоили 200–300 рублей. Любая мелочь теперь стоит огромных денег.

Я взяла ученицу, буду учить лоскутному делу. Будет платить мне 300 рублей за полтора месяца, занятия – два раза в неделю по полтора часа.

Хвалят мои стихи, мою прозу, а никто не хочет печатать: нет бумаги, нет мощностей. Правда, детективы и порнографию выпускают.

Люди ожесточились, молодежь – ужасная: места никто не уступит в метро, толкнёт – не извинится. Общество больно равнодушием и жестокостью, все хотят иметь деньги, лучше – доллары. И в такое тяжёлое время должен придти в мир маленький человек, ребёнок моей Наташи, беспомощный комочек, в которого надо вложить много сил, любви, терпения, добра, чтобы он стал настоящим человеком. Надо быть сильным в мире, где нет места слабому, больному, несчастному. Помоги, Господи, ребёночку, который должен придти в этот мир!

Скоро Новый Год, потом 7 января – Рождество, а зима больна – лужи, слякоть, каплет с крыш. Купили ёлку, пусть в доме пахнет хвоей и сверкают на ёлке блестящие игрушки.

Читаю дневник братьев Гонкур, очень много близкого для меня, понятного и современного. Этот дневник читал мой отец, часто цитировал в своих записях.

Вот кое-что из дневника Гонкуров:

“Новый год... ещё одна почтовая станция, где, по выражению Байрона, судьбы меняют лошадей!” “У народа нет денег, чтобы делать запасы, бедняки влечат жалкое существование, а богачи нисколько не страдают”.

29 декабря 1991 г. К 8 часам подошла к магазину, там с шести стоял в очереди муж, хотел купить мяса. На него записывались, муж был двадцать первым, это близко. Очередь растянулась метров на сто. Когда открыли одну половину двери (две половинки открыть было невозможно из-за большого напора людей), толпа хлынула в магазин. Стоял мат, кричали зажатые возле двери женщины. Очередь входила долго, в двери всё время образовывались пробки. Внутри набилось столько, что яблоку негде упасть. Глаза у людей безумные, все друг друга толкают, иногда возникают драки и даже слышно, как кто-то кричит “Караул!” Очереди переплетаются, сталкиваются, мешают друг другу. Огромная за маслом и колбасой, бесконечная — за молоком, большая — за мясом. Но мы всё достали — и мясо, и масло, и молоко. Счастливые, около часа дня вернулись домой, в ближайшую неделю голод не предвидится.

Со 2 января 1992 года цены будут свободными, в основном всё подорожает в три раза, а пенсия вместо 205-ти будет 340. Свет, тёплая вода, газ — тоже в три раза дороже.

Выступал по телевидению Ельцин, говорил, что повышение цен — вынужденная мера, что месяцев через шесть-восемь будет легче. Дай-то Бог! Но очень трудно такими бедными, как мы, вступать в такую жизнь. Сейчас хорошо тем, у кого куры денег не клюют. Но у основной массы народа их немного, а у пенсионеров — совсем мало. Дай Бог пережить нам это лихолетье без бунтов и гражданской войны. Думаю о будущем со страхом и надеждой.

Многим нравится моя книга об отце, но как издать её — вот вопрос. В “Советском писателе” сказали, что у них не хватает мощностей, и они не могут издать её, вот годика бы два назад — с удовольствием. А ведь мне хочется рассказать людям, каким человеком был мой отец, как он относился к нам, своим детям, к жене, ко всему окружающему, как он любил природу, книги, как он любил свою Родину. Я хочу им рассказать, как он создавал то или иное произведение, как он пережил войну и был на фронте. И вот пока не знаю, как мне удастся издать мою книгу. Я уже и название придумала — “Жить вопреки всему”, это строчка из папиного стихотворения. Но почему-то у меня есть надежда, что когда-нибудь эта книга выйдет. С этим и живу. Я уже и не думаю о той прозе и тех стихах, которые сама пишу. Это всё не самое главное.

30 декабря 1991 г. Позвонила близкая приятельница Валя Милкова. Она живёт с дочерью, у которой двое детей. Живут на Валину пенсию, на алименты и на пособие на ребёнка. Денег примерно хватает на неделю или на две, если покупаются что-то помимо еды. “Две недели мы бедствуем, — сказала Валя, — если купим ботиночки девочке”. Вчера Валя продавала огурцы собственного засола по два-три рубля за штуку, выручила пятьдесят рублей.

Она много лет работала заведующей библиотекой при Министерстве высшего и среднего образования, очень образованная, умная, мудрая и талантливая женщина. Работала, выйдя на пенсию, уборщицей, после операции на щитовидке работать не может, продаёт огурцы, занимается огородом.

Все затаились в ожидании повышения цен. Сегодня возле магазина “Хлеб” целый день стоит очередь — нет хлеба. Все живут со страхом перед завтрашним днём: что он принесёт?

К моему приятелю Игорю Мохову приходил человек в рубище, с сумой, с безумными глазами, просил милостыню, говорил, что в него переселился Христос, что 12 января будет бунт. Игорь ничего ему не дал, а вручил ему какие-то религиозные книги и посоветовал ему пойти в церковь. Я сказала Игорю, что нищим отказывать нельзя. Он теперь страдает, что не дал, но считает, что Бог его простит, так как у него особая миссия на земле — сеять мир. Когда он был подростком во время войны и ехал на трамвае, рядом упала бомба, и все начали выскакивать из идущего трамвая. Он тоже выскочил, но неудачно, ему отрезало трамваем обе ноги. Когда он лежал, истекая кровью, то увидел луч, идущий с неба, а в этом луче — женщину, которая утешала его и говорила, что всё у него будет хорошо. Прошли годы. Игорь окончил институт иностранных языков, стал переписываться с Эдвардом Кеннеди и другими знаменитыми людьми, вкусил прекрасную жизнь в США, отравлен ею, но

долго там жить не может, тянет домой. Так и живёт, переезжая из одной страны в другую.

31 декабря 1991 г. Сегодня Новый год! Какой он будет? Для нашей семьи знаменательным — появится новый человек. Только бы был здоровеньким, это главное. Выдержать бы всё в наступающем году, что задумали для нас правители. Вечные эксперименты в России, вечно кто-то протаскивает свои идеи, а народ платит за это кровью, недоеданием, потерей того немногого, что имел.

А таланту в России нужны кулаки и локти, но это не каждому дано.

4 января 1992 г. В первый день нового года на Таракановке (так называется микрорайон) чуть не снесли магазин: люди знали, что завезли молоко, но магазин не открывают, так как не знают, по какой цене его продавать. Толпа кричала, стучала в дверь, в окна и, наконец, в 8 часов 30 мин утра магазин открыли. Молоко и кефир, а больше ничего не привезли. В толпе говорили, что правительство решило уморить голодом стариков, слишком их много. Пенсионеры продают возле метро “гуманитарную помощь”, то, что получили бесплатно из Европы.

Говорят, что в Елисейском магазине была брынза по девять рублей, и люди убивались за ней, были леденцы по 30 рублей. Вчера в нашем магазине продавали сахарный песок, люди “писались” в очереди. Многие живы своими запасами. А когда они выйдут?

Наташа ворчит, что мы всё время о ценах говорим и о продуктах, не понимает того, что мы прежде всего волнуемся из-за неё, из-за её будущего ребёнка. Много ли нам нужно?

Замечательно встретили Новый год. Наташа вылепила очаровательный вертеп, где родился Христос, где овцы, Мария, Иосиф и младенец в яслях. Всё розово-голубое, с ангелочками — настоящее рождественское чудо! Наташа зажгла возле своего вертепа свечку и на столе — тоже, поэтому было красиво и празднично. Мы выпустили к Новому году праздничную газету, где поместили поздравления и пожелания...

Наташа всё время рисует, лепит, сочиняет мелодии к стихам деда и Цветаевой. Я люблю в её исполнении папино стихотворение “Бродяга”. Уверена: книга об отце обязательно выйдет, и дети будут держать её в своих руках и гордиться ею.

6 января 1992 г. Продукты подорожали, ломаем голову, как жить. Георгий думает идти работать в поликлинику. Я — против, так как в апреле ему надо ехать заниматься огородом, чтобы осенью быть с овощами. Это — главное. А лишняя тысяча рублей нас не спасёт. Пока держимся на старых запасах. Сливочное масло — только для Наташи.

Я принимала участие в выставке на улице Немчинова. Там были выставлены работы известной лоскутницы и мои. И вот мы приходим на открытие — я, Георгий, Наташа, Дима, Катя, мои друзья. Говорятся какие-то добрые слова, кто-то дарит мне цветы. Мы выпиваем по бокалу шампанского, и выставка открывается. Какой-то мальчик подбегает к своей матери, тормозит её, говорит, что нашёл на выставке самую красивую работу. “Пойдём, я покажу тебе”. Я, заинтригованная, иду следом. И вдруг мальчик останавливается перед моей последней работой “Сад”. Зная, что скоро будет выставка, я захотела сделать новую работу. Купила метр жёлтой материи, и на ней изобразила сад: дорожки, купы деревьев, вазы, кусты и цветы. Я работала с огромным подъёмом и удовольствием, потому работа и получилась удачной. И вот мнение мальчика — “самая красивая работа”.

На деньги, вырученные за продажу моих работ, мы сумели купить будущему ребёночку и коляску, и кроватку, и кое-что из одежды.

10 января 1992 г. Вчера, 9 января в семь часов пятнадцать минут вечера у Наташи родилась девочка. Вес — 2250 граммов, рост — 48 сантиметров. Недоношенная. Молю Бога, чтобы ребёночек был здоровеньким. Надо готовиться к их встрече, кое-что переставить, собрать кроватку, докупить необходимое. Вступаю в новую должность бабушки. Мама говорила, что это — самая трудная на свете должность. Сегодня маме исполнилось бы 84 года. Пятый год её нет, вот и правнучка родилась без неё, почти в тот же день. Кстати, девочка наша родилась на третий день Рождества, в праздник Стефания Первомученика, икона которого есть в Успенском Соборе в Сергиевом Посаде.

Наташа думает о двух именах: Дарья и Ксения. Дарья – сильная, победительница, Ксения – странница, иностранка. По-моему, лучше – Дарья.

Я всё время молила Бога, Казанскую Богоматерь и Екатерину Великомученицу о Наташе, просила, чтобы ей меньше мучиться и чтобы ребёночек был здоров. Екатерина Великомученица – покровительница беременных. Я случайно на улице 25 Октября возле Храма купила эту иконку, написанную на доске. Очень красивое лицо, открытое, доброе. Она умерла молодой в страшных муках.

А Казанская Богоматерь – это наша семейная, вывезенная ещё из Днепрпетровска, намоленная, старинная, которую мама в войну продала соседке тётке Маше, а дочь её после войны продала её маме. Я очень верю в её силу, она помогает, всю комнату мою освещает. Она всегда должна быть в нашем доме – у сына или у дочери.

В день рождения Сергия Радонежского я также случайно купила его иконку, только написанную на картоне.

Дай Бог нам здоровенького ребёночка – это самое главное. Выходим, выкормим, поставим на ноги.

15 января 1992 г. Утром, к восьми часам, пошла в церковь, чтобы помолиться за здоровье Наташи и моей внученьки. Я шла по белой от снега Москве, было мало людей, снег глубокий, чистый, только что выпал. Чисто, бело, безлюдно. А в церкви полно народа. Заказала “о здравии” моих детей, передала свечку Казанской, помолилась. Все пошли целовать крест, я – тоже. Потом слушали воскресную проповедь – добрую, призывающую к любви и молитве.

Жду выхода папиного “Избранного” в “Художественной литературе”. Вероятно, следующая книга выйдет не скоро. Радостно сознавать, как неназойливо и достойно Дмитрий Кедрин занял своё место в литературе. Мама это предвидела.

15 января 1992 г. У нашей девочки обнаружено какое-то заболевание нервной системы: дрожит подбородочек, дрожат ручки. Врач пока не может сказать, что ждёт её в будущем. Я очень надеюсь на хороший исход.

В стране полная неразбериха. Поговаривают о военном перевороте, почему-то упорно называют 20 января. Страшно. Только бы не гражданская война.

Цены – фантастические, в каждом магазине – свои, угнаться за ними у нас нет никакой возможности. Надеемся, что увеличат пенсию и Георгию, и мне.

Готовлюсь к папиному 85-летию, к тому, что будет, прибавляется передача по радио – “Биографические этюды”, я написала статью для “Москвички” – “Эта любовь крепчайшая и последняя”, о любви между отцом и матерью.

Мне, как члену профкома литераторов, стали давать заказы, это нас немного поддерживает.

19 января 1992 г. Совсем пожилые люди вспоминают, как было хорошо до революции, а мы – как хорошо было до перестройки. Была великая страна, а стал – жалкий ошмётток, и все, все, даже славяне, постарались поскорее отделиться от России. А может, устали от вечных команд сверху, из Москвы? Хватит ли жизни дожидаться лучших времён, хоть бы дети дождались.

Как-то все затаились по своим квартирам, устали от безденежья, от высочайших цен, от телевизора.

Забыл Бог о России, потому что Россия забыла о Боге.

22 января 1992 г. Читаю Максимилиана Волошина и понимаю, что, во-первых, он учитель моего отца. Его историзм, его внимание к деталям, его умение переноситься в другие века и времена – этому отец учился у него. Во-вторых, я поражена прозорливостью Волошина, духовностью, глубиной и ассоциативностью его поэзии. Он как будто пишет о нашем времени:

*Но и теперь, как в дни былых падений,
Вся омрачённая, в крови,
Осталась ты землёю иступлений, —
Землёй, взыскующей любви.*

(“Китеж”)

И в то же время он замечательный бытописатель: изо дня в день, дотошно, с мельчайшими подробностями описывает он буржуя, пролетария, тер-

пор. Как его не уничтожили?! Вероятно, спасло то, что он был в Крыму, далеко от центра, а может, его Бог хранил, этого большого доброго ребёнка.

Я была в 50-е годы в Коктебеле, в его доме, познакомилась с Мариной Степановной, вдовой поэта, которая воскликнула: “Как же, как же, помню: Макс говорил, что Кедрин – талантливый поэт и его ученик”.

Волошин будто не покидал дома, его дух обитает там. И я, тогда ещё совсем молодая, сумела понять огромность его фигуры – и как поэта, и как мыслителя, и как художника.

29 января 1992 г. Старушка в очереди: “Я уже год мяса не ела, а колбасу – как цены повысили”. Старик: “Купил батон – 4 рубля, купил два – 8 рублей”. “Не иначе как уморить с голоду нас хотят, стариков. Где это видано, чтобы свёкла 7 рублей 60 копеек стоила”, – говорит соседка-старушка. На стене мелом написано: “Верните нам социализм!”

На колбасу в магазине только смотрят, так она дорога. Кое-что появлялось на прилавках, но цены фантастические, в магазин теперь ходим как в музей. А молока – не достать, тысячная очередь, стоят с шести утра, часто его не привозят.

Вышла книга папы, и теперь будут статьи о ней, проходят папины вечера.

Вчера сыну Дмитрию исполнилось 30 лет. Какой взрослый у меня сын! Дай Бог ему счастья и здоровья!

31 января 1992 г. Цены невероятно выросли: колбаса варёная – 56 рублей килограмм, копчёная – 112 рублей, яйца – 19 с копейками, куры – 44. Пока мы можем брать лишь молоко и кефир, остальное нам не по карману. Очередь за молоком образуется в шесть часов утра, к восьми хвост метров на пятьдесят. Последним зачастую ничего не достаётся. Сегодня муж занял очередь за молоком в седьмом часу, я подошла – к восьми. Когда пускали, мы оказались в стороне, и нас изрядно помяли, когда мы прорывались в свою очередь. Георгий даже побледнел, и на носу выступили капли пота. Я даже испугалась. Ужас, что сделали с нами, с нашей жизнью. Веками собирали Родину по крохам, и в один миг всё развалили. Как жить, что нас ждёт в будущем? Только бы не гражданская война.

Близится папино 85-летие, будут материалы о нём в “Литературной газете”, в “Сыне Отечества”, в “Брегах Таврии” – мои главы из книги об отце и моя статья в газете “Москвичка”. Жду выхода папиной книги в “Художественной литературе”, уже был сигнал.

На рынке сумасшедшие цены, в магазинах ненамного ниже. Народ тихо ропщет, старые люди считают, что их решили уморить голодом. Я видела, как старушка, простоявшая час в очереди за адыгейским сыром, не взяла маленького кусочка, который стоил около двадцати рублей. Разрывается сердце смотреть на всё это. Ни одно правительство ни в одной стране мира не отнесится так к своим согражданам. А наши верхи знают о великом русском терпении, вот и измываются. Не дай Бог терпение у людей лопнет: русский бунт, как известно, это – тёмная и слепая сила, пойдут крушить направо и налево. Ведь ельцинское правительство при всех своих козлиных мозгах должно понимать это. Но дай нам Бог обойтись без кровопролития. Ведь у меня теперь две девочки, обе слабенькие, их на ноги нужно ставить, кормить. Всё сделаю, что в моих силах.

7 февраля 1992 г. Скоро новорожденная внучка Дашенька будет дома. Наташа и я готовимся: убираемся, переставляем мебель, собираем кроватку.

А я ещё готовлюсь к вечеру папы 22 февраля. Много телефонных звонков, суеты, волнуясь, как всё пройдет. Записывали меня на радио больше двух часов. Будет передача.

Цены на продукты всё растут, но мы пока справляемся, держимся на плаву, ещё не жили на пенсии – то ученики у меня, то небольшой гонорар. А вот кабы только на пенсию жить, хватало бы дней на десять.

Жду весны и мечтаю уехать в Черкизово. Хочется сидеть на террасе и делать панно, как в прошлом году. Помню, что за вечер я как-то умудрилась собрать два панно, а то в работе главное, остальное техника. Особенно мне запомнился один вечер, вернее, летние сумерки. Я уже собрала одну работу, отложила её в сторону и занялась второй, которую решила назвать “Домашняя церковь”. Собрала нужные лоскутки, вырезала купола, окна, дверь, всё собрала, как мозаику, и, положив правую руку на работу, посмотрела вверх через стёкла террасы, совершенно неосознанно, а может быть, отды-

хая. И вдруг я увидела на небе лицо Бога, оно сложилось из облаков. Бог смотрел прямо на меня, а я — на него, долго, неотрывно, боясь пошевелиться. Мне было и страшно и радостно одновременно. Я хотела перекреститься, но боялась пошевелиться, глубоко вздохнуть, чтобы Бог не растаял в небе. Сколько это продолжалось, не знаю, но постепенно лицо Бога стало расплываться и, наконец, исчезло. Долго я сидела в оцепенении, пока смогла продолжить работу. Многие свои Храмы я подарила, некоторые продала, но скромная работа “Домовая церковь” всегда будет со мной.

А ещё меня очень вдохновляет поле, где солнце и небо, ветер и цветы, и наша церковь Покрова.

Когда отдыхали с Георгием на холмике земли, я вспоминала стихи отца о другой церкви, Храме Василия Блаженного из поэмы “Зодчие”:

*А над всем этим срамом
Та церковь была —
Как невеста!..*

7 марта 1992 г. Так давно не писала, хотя событий в стране и в семье — невпроворот. Снова грозятся повысить цены, хотя они уже невыносимые. Умерло в стране от голода, от отчаяния восемь миллионов человек. Некоторые одинокие пожилые люди кончают жизнь самоубийством, не имея возможности прокормиться, достать продукты. Происходят совершенно невероятные истории: родители отказываются от детей, не в состоянии прокормить их. Всё как в кошмарном сне. Москва переполнена пришлыми людьми восточной национальности, все что-то продают, город превратился в настоящий базар. В переходах метро поют, играют, просят милостыню. Суета, суматоха, чужой говор, чужие люди.

Был 22 февраля папин вечер, посвящённый его 85-летию, в Тимирязевской академии. Людей пришло немного, но слушали стихи и выступления, затаив дыхание. Я каждому выступающему дарю гвоздику и сборник папиных стихов. Осталось ощущение праздника. Я очень рада и вечеру, и тому, что должны быть публикации о нём. Никак не выберусь на кладбище, сил не хватает, очень устаю с Дашей. Всё думаю, как заработать денег, ведь семья как-то у нас, а главное — ребёнок, которому всё время надо что-то покупать.

Творчество оставило меня, а раньше держало. Мечтаю о Черкизове, я там всегда прихожу в себя, обретаю силы, но туда можно поехать лишь через два месяца.

Весна хмурая, только первого марта вдруг рассеялось солнце, как раз в день моего рождения. Мне уже 58 лет. Хотелось бы ещё многое успеть с папиными стихами, а главное — поднять Дарью, такого сложного и нервного ребёнка.

9 марта 1992 г. Поглощаем. Ревниво следим друг за другом: кто больше положенного взял масла или сахара, иногда делаем замечание Наташе, что, мол, она плохо размешивает сахар в чае, а ведь он в магазинах бывает редко, а у спекулянтов — 46 рублей килограмм. Часто хочется есть, а есть нечего: сыр, колбаса, мясо нам не по карману. Маленький кусочек сыра оставляем для Наташи, иногда воровато идём на кухню, я или Георгий, делаем себе крошечный бутерброд с сыром, толщиной с папиросную бумагу и с жадностью съедаем его.

Сегодня уговорила на рынке восточного человека продать мне яблоки по 30 рублей килограмм и один лимон. Как будем жить — не знаю, иногда охватывает отчаяние, с которым борюсь: на мне ведь держится вся семья, мне нельзя падать духом и сдаваться перед жизнью.

В Грузии, в Молдавии, в Осетии льётся кровь, а у нас — пока нет.

Разрушенная, голая, босая Россия, нищенка, побирушка, вот до чего довели её наши правители. Что бы написал обо всём этом мой отец, так любивший Родину?

21 марта 1992 г. Дашенька растёт, очень милая и трогательная девочка. Заворожёнными глазами неотрывно смотрит на картинки, на мои панно, макраме. Погремушки её не интересуют.

Встал вопрос о размене квартиры, такой роскошной, которую любим и Георгий и я. Ради душевного покоя, ради счастья дочери, ради возможности издать книгу о папе на доплату, которую мы получим, я готова.

Все мои последние панно посвящены одной теме – Храму. Я рада этому, тем более что сейчас – Пост.

В мае-месяце мне обещают устроить выставку. Может, что-то удастся продать, ведь в доме – ни копейки. Нищета наша, как, впрочем, и многих моих сограждан, растёт. Снова грозятся повышением цен, а ведь уже, кажется, и некуда повышать. Опять с семи утра огромные очереди у магазинов. Правительство не может справиться с ситуацией, а народ, как всегда, отдувается. Москва – огромная мусорная корзина, везде что-то продают, тут же бросаются огрызки, участились случаи кишечных заболеваний. На рынках зачастую продают мясо забитых собак и кошек. В городе огромное количество крыс, хоть бы чума не нагрянула. Ничего не убирается, кругом – кучи мусора, остатки разной еды – вот крысам и воронам пожива. Крысы здоровые, как котята, шмыгают между машинами, совсем не боятся людей.

Скорее бы в Черкизово, поработать на земле, успокоиться, увидеть небо над головой, церковь с голубыми куполами, чтобы жизнь обрела смысл.

Публикации об отце пока не вышли, катастрофически не хватает бумаги. Счастье, что вышло “Избранное” – последняя, наверное, в это смутное время книга.

Бедная моя Родина, бедный мой народ, бедные мои дети и я, которой Бог дал много, но это никому не нужно. Но надо жить, надо растить Дашу, помогать Наташе, не сломаться, выстоять, выдержать это всенародное испытание. Дал бы Бог нам всем здоровья, а всё остальное приложится.

23 марта 1992 г. В прошлом месяце Георгий получил пенсию около 600 рублей, в этом – на 80 рублей меньше, другие пенсионеры – тоже получили меньше. Все возмущаются, ругают правительство. Новость: выдают гробовые по справке о смерти, частично восполняя трату на дорогие похороны. Ещё невероятное нововведение: гробы теперь дают напрокат, на два часа, вечером они дешевле, чем днём. Из гроба тело перекладывают в целлофановый мешок и хоронят или сжигают. Если бы Ильф и Петров знали о таком абсурде! Что там Бендер, что его проделки, сейчас что-то невероятное буквально на каждом шагу.

Выхожу из метро, у входа пятеро мордастых парней играют какую-то музыку, рядом старушка приплясывает, держа поднос, на котором две пачки сигарет, с другой стороны крашенная девица продаёт сборник Сергея Есенина, и все кругом что-то продают, продают, продают.

25 марта 1992 г. Пропали из магазинов основные продукты (сахар и сливочное масло). Недалеко от нас, в одном маленьком магазинчике, продавалось масло – 250 граммов за 30 рублей, очередь огромная, часа на три. В центре продавали сахар, 70 рублей килограмм, по одному килограмму в руки, и опять километровая очередь. У нас кончается сахар, пытаюсь пить чай без него. Вспоминаю сахарин, с которым пили во время войны. Всё время хочется есть, а есть нечего – колбасы, сыра, масла нет, нет творога, сметаны. Надо всё время что-то готовить, в основном – кашу, которую едим с подсолнечным маслом.

Дашенька растёт, глазки любопытные, так ей всё интересно, смотрит, не насмотрится на картинки, которые висят на стенах, уже гулит. Только была бы здоровенькая, помоги ей Господи!

30 марта 1992 г. Вместо сливочного масла едим маргарин, даже Наташа. Всё время грозятся повышением цен. В России впервые после войны стало больше умирать, чем рождаться. По-прежнему много самоубийств, особенно среди пожилых людей. Двое стариков бросились в метро под поезд почти одновременно, но на разных станциях, вероятно, между ними существовала какая-то договорённость.

В газетах временами мелькает, что правительство скоро не сможет выплачивать пенсии, так как нет денег. Это вполне вероятно, наше правительство способно на всё.

Москва неузнаваема – грязна, наводнена пришлыми людьми, которые держатся как хозяйка, в метро сидят, развалиясь, не уступая никому места, смотрят нагло, бесцеремонно толкаются, всячески выражая москвичам своё презрение. Москвичи молчат, они устали от бесконечного базара на улицах, от мата, от молодых, которые прямо из горла пьют пиво, ругаются, жуют жвачку, плюют. Кругом нищие разных возрастов и национальностей, с детьми, с костылями, с гармошками. Лучше сидеть дома, чтобы не видеть всего этого кошмара.

Отдала пять своих работ в галерею, пока ничего не продано.

Будет передача по радио, где я рассказываю о папе, напечатана моя статья в газете. Мне звонят, поздравляют с выступлением по радио, с публикацией, порою даже незнакомые люди. Значит – отца не забывают и уже новые люди, другое поколение. Тянутся к нему, к его поэзии, к его правде, к его боли за Родину, приникают, как к роднику, к его стихам о России. Я счастлива, что это смутное время не замутило высокой поэзии Дмитрия Кедрина. Ради этого жила моя мама, ради этого теперь живу я.

12 апреля 1992 г. Было два мои выступления по радио о папе (4-го и 5 апреля, в субботу и в воскресенье). Больше часа рассказывала. На другой день – шквал звонков, восторженных, многие плакали, слушая о наших мытарствах. А 8 апреля я выступала в библиотеке в Товарищеском переулке, где жил папа у своей тётушки после приезда в Москву. Тот дом, где жил папа, недавно снесли, остался лишь забор: железная ограда с кирпичными тумбами. Здесь ходил отец, видел серый высокий дом, что напротив, маленький деревянный домик, который ещё не снесён.

Идет шестой съезд народных депутатов, все что-то обещают, клянутся, что всё изменится к лучшему, но теперь уже никто никому не верит. Какие-то апатия и безнадежность поселились в душах, и гложет одна только мысль: неужели уже никогда не увидим нормальной человеческой жизни?

17 апреля 1992 г. Прошли два папиных вечера – в Товарищеском переулке, в библиотеке № 132 и в Доме культуры “Калибр”. Первый вечер удался, хотя людей было немного. Узнав, что в Товарищеском переулке, дом 21, какое-то время в начале 30-х годов жил Дмитрий Кедрин, работники библиотеки решили хлопотать о присвоении переулку и библиотеке имени Дмитрия Кедрина. Осенью в этой библиотеке предложили мне провести свой творческий вечер.

...Была сегодня на кладбище, “рассказала” покойным родителям на их могилах, что у них есть правнучка Даша, что прошли папины вечера. На могилах всё убрано, кто-то из друзей постарался. Я поставила вербу – скоро Вербное воскресенье, потом – Пасха. Через месяц посажу на могилки цветы.

Сидя на скамейке на кладбище, снова размышляю о ранней гибели отца, о его трагической судьбе. Пытаюсь понять – почему так всё сложилось. В 1937 году отец, видя, что творится в стране и чувствуя своё шаткое положение: дворянин, в 1929 году сидел за недонесение известного контрреволюционного факта (статья 58-12), пишет отчаянное стихотворение, в котором – огромная жажда жизни и предчувствие ранней гибели:

*Жить вопреки всему! Жить вопреки обидам
И счастьем вопреки, что от тебя бежит!
Жить грязным червяком! Жить нищим инвалидом!
И всё же, чёрт возьми, не умирать, а жить!*

Не помогло ему это заклинание, хотя дамоклов меч опустился на его голову не в 30-е годы, а в сентябре 1945-го.

Стоит над могилами родителей дуб-великан, которому 300 лет, и опять начинается весна – пятая без мамы. Я так это ощущаю, потому что стала “передовой”, за всё теперь отвечаю и больше не на кого опереться, а нужно быть мужественной, терпеливой и мудрой. Молю Бога и Богородицу укрепить меня в этом, мне всегда не хватало этих качеств.

И снова о нашем тяжёлом быте: уже обходимся и без маргарина, благо пока есть подсолнечное масло. Мечтаю достать чечевицу, она заменяет мясо, но пока не удаётся, люди мгновенно её расхватывают. Одна надежда – на наш огород, завтра едем копать землю.

25 апреля 1992 г. Неожиданно познакомилась с француженкой из Парижа по имени Клер. Нас “познакомил” Бунин: мне случайно в архиве ЦГАЛИ дали плёнки рукописей Бунина. Я вернула их и стала рассказывать работнице архива о том, как Дмитрий Кедрин любил Бунина, даже сделал рамочку из пергаментной бумаги и поставил портрет любимого писателя на свой стол. Я рассказывала всё это, видя, что молодая черноволосяя женщина с большими чёрными глазами меня внимательно слушает. А когда я спросила её, видела ли она фильм о том, как вручают Нобелевскую премию Бунину, она ответила, что не видела, во Франции его не показывали. Я пригласила её к нам в гости. Очень волновалась, ожидая её, ведь у нас такая скромная обстановка, старая мебель, а Клер – из Парижа.

Я, ожидая её, думала о том, чем накормить её, о чём с ней говорить, решила подарить ей папину книгу. Я приготовила чечевицу, вареники с творогом и чай из трав: зверобой, мята, кипрей. Клер от всего была в восторге и, с удовольствием уплетая чечевицу, приговаривала: “Как вкусно! Как вкусно!”

Клер всех моих домашних очаровала, одарила подарками. Обойдя всю квартиру, в моей комнате села на кровать, покачалась на ней, как девочка, и сказала: “Какой красивый дом!”

Она много рассказывала нам о Париже, о том, что Лимонов более известен во Франции, чем Бунин. Она сказала, что уже много раз бывала в Москве, но сейчас её не узнаёт: изменились люди, многие её друзья уехали за границу, некому стало позвонить, когда она приезжает в Москву. Говорила о том, что во Франции русские люди не приживаются, едут в Америку и Канаду. Муж у Клер – русский, зовут его Андрей, он москвич. Оба они преподаватели русского языка, пишут диссертации. Клер не только улыбочива, она необыкновенно смешлива – это так непривычно для нас, обременённых тысячу забот, мрачноватых и хмурых.

По-прежнему с трудом сводим концы с концами, покупаем лишь самое необходимое, сыр и колбасу позволить не можем. Всё безумно дорожает, страшно подходить к прилавку. Например, детские ботиночки на три года стоят 500 рублей. Но настроение у нас всех хорошее – нашу жизнь освещает солнышко – Дашенька. Только бы хватило сил помочь Наташе поднять её, тем более что семейная жизнь дочери не заладилась, денег на ребёнка отец не даёт.

4 мая 1992 г. На заборах, на стенах домов мелом написано: “Верните нам социализм!”, “Нами управляет мафия!”, “Работу, а не компенсацию” и т. д. А в парке на бетонных секциях забора целая дискуссия, настоящее словесное сражение, и вдруг на одной из секций детским почерком написано: “Здесь будет берёзовая аллея”. И таким диссонансом веет от этого, и так хочется верить в эту берёзовую аллею и не думать ни о социализме, ни о мафии.

Цены в магазинах зверские, зато полное изобилие на витринах, мы ходим в магазин, чтобы полюбоваться колбасой, ветчиной, сыром. Пенсий наших с Георгием хватает по большому счёту дней на десять. Вместо сахара мы покупаем вафли, они дешевле. Георгий занимается огородом, на огород – вся надежда, хотя землю грозятся отнять под садовые участки. Сейчас хотят отнять землю для богачей, а в 1941–1942 годах хотели отнять у меня несколько картофелин, собранных в маленький полотняный мешочек. Колхозники уже выкопали картошку, но там кое-где ещё можно было найти картофелину. Нам, голодным ребятишкам из села, она не давала покоя, ведь дома есть нечего. Но поле охраняли парнишки на лошадях с длинными плетками. Когда начинало смеркаться, мы, пригнувшись, а кто и ползком, всё-таки добивались до поля.

И вот теперь на этом поле у многих жителей посёлка огороды, и у нас – тоже, наше спасение и надежда. Ведь пять мешков картошки собрали в прошлом году, до апреля хватило. А сколько Георгий всего намариновал, до самой маленькой бубочки всё собрал, ничего на нашем участке не оставил. Вообще-то раньше Георгий никогда на земле не работал, был сугубо городским человеком, а сейчас вдруг оказалось, что он по натуре – земледелец, любитель земли и всего, что растёт на ней. Сколько счастливых часов мы провели на нашем огороде: светило солнце, пел жаворонок, звонили колокола, а мы то работали, то отдыхали на земляном холмике. И вот у нас хотят отобрать этот бесценный кусочек земли, нашу надежду и нашу радость. Теперь, когда она так всем нужна, теперь, когда мы все, огородники, сдружились и стали единым коллективом! Да ни за что на свете мы не отдадим нашего клочочка земли!

21 мая 1992 г. Не писала давно: недосуг. Устала, могу заниматься только какими-то бытовыми вещами и Дашенькой – солнышком, она растёт, улыбается, даже иногда смеётся-заливается, мама научила. Чудесное чувство испытываю, держа её на руках.

А жизнь становится всё более чудовищной, цены растут. Нам, пенсионерам, не по карману уже давно основные продукты питания. Но, к счастью, помогают заказы, в которых иногда бывает сахар. Живем-перебиваемся. Утром – каша и салат из капусты, у Наташи – творог, Георгий научился делать замечательный творог, в обед – суп, макароны или лапша (изредка с мясом), вечером так что-нибудь, чтобы есть не хотелось. Часто делаю блинчики, дёшево и можно заполнить желудок. Научилась делать блинчики с кабачками,

с яблоками, с морковкой. А выйдешь на улицу, возле метро обычный теперь базар, продают всё — от гвоздей до ананасов. Цены баснословные. Например, 300 рублей стоит коробочка с заграничными кукурузными палочками. Я захожу в магазин только ради любопытства.

Кругом нищие: кто молча протягивает руку, кто энергично просит, приговаривая: “Подайте милостыньку, Бог вас простит”. Люди восточного вида ходят группами, говорят по-своему, черноволосые, с хищными взглядами. Есть случаи людоедства, часто случаются квартирные кражи. Страшно оставлять квартиру, всё вынесут, ничего не останется.

Такая смута — вокруг и в душе, такое неверие ни во что, такая апатия. И все понимают, что власть бессильна что-нибудь изменить, Ельцин допускает одну ошибку за другой, а Гайдар, Бурбулис — всё это мелкая рыбёшка, заурядные личности, ни на что серьёзное не способные. Очень страшно, когда не чувствуешь за спиной власти, которая думает о тебе, помнит о тебе и хочет помочь. Что-то будет с моей бедной многострадальной страной и со всеми нами, если ничего не изменится? Что-то могут изменить к лучшему истинные патриоты, любящие свою страну, образованные и умные, каким был Столыпин. Но где взять таких людей, они, наверно, по тюрьмам сидят, едят свою баланду.

6 июля 1992 г. В стране — смута, митинги, забастовки. Беженцы затопили Москву, появились и в Черкизове, ходят, просят хлеба, воду, говорят, что убежали от войны. Что же грядёт?

Была почти месяц страшная засуха, наш огород — спасение и надежда, совсем захирел, не росла картошка — наша главная надежда, потом прошёл дождь, мы сразу окучили картошку, чтобы удержать влагу. Растут кабачки, тыква, свекла, всё остальное или не взшло или очень хилое.

Мы пока держимся, спасают заказы и салаты из нашего двора: одуванчики, подорожник, сныть, крапива, мята, зелёный лук — и всё это с подсолнечным маслом.

Живу лишь творчеством, вырываюсь в Москву и как сумасшедшая занимаюсь своими панно, никуда не хожу, одолеваемая страстью творить. Порою довольна результатами, порою — нет. Так у меня проходит лето 1992 года.

* * *

12 апреля 1993 г. Не писала давно, почти год, задавленная заботами о Даше, замученная бытом. В стране — полнейший раздрай. Скоро референдум, которого добивается Ельцин. За кого голосовать — не знаю, видимо, всё равно за кого, ведь никто пока не может вытащить страну из трясины.

Читаю “Дневники” Пришвина. Давно ни одна книга не была столь ценной для меня, как эта. Жизнеутверждающая, объясняющая тайны творчества, дающая точный анализ происходящего вокруг. Вот кое-что из “Дневника” Пришвина: “Нужно, чтобы каждый человек нашёл для себя лично возможность жить жизнью высшей среди скромной и неизбежной действительности каждого дня”. “Культура — это дело связи народов и каждого народа в отдельности с самим собой”. “Хоть бы минутку побыть с самим собой и собраться с силами — вот это нужно человеку, иначе он вывёртывается весь наружу и в своих делах не узнаёт себя самого”.

14 апреля 1993 г. Не помню такой сумрачной весны. Солнце было только в феврале. Уныло, холодно, серо всё вокруг. И вдруг посреди всего этого — старое корявое дерево, какое-то лишнее и даже портящее вид, покрылось белыми пушистыми шариками и сразу всё окрасило вокруг, вселило надежду на весну. Это расцвела старая ива. Так и пожилой человек — немощный и слабый — вдруг заговорит, и мы забываем о его возрасте, а только любуемся им и внимаем его мудрым речам.

30 апреля 1993 г. Была в музее М. Н. Ермоловой, там состоялась встреча с чтецом И. Н. Русиновым, который давно и прекрасно читает папины стихи. Он сказал, что впервые о Кедрине услышал в Норильске от приятеля-актёра, тот прочитал ему отрывок из поэмы “Зодчие”. “Кто это?” — спросил Иван Николаевич. “Поэт Кедрин, а поэма называется то ли “Строители”, то ли “Зодчие”... Вспомнил Иван Николаевич и знакомство с мамой, говорил о том, какая она была удивительная, живая, энергичная. Рассказал он о 28 ян-

варя 1962 года, когда состоялся его первый сольный концерт, посвящённый Дмитрию Кедрину, а мама не пришла. После первого отделения концерта Иван Николаевич позвонил маме и узнал, что у Дмитрия Кедрина родился внук, которого тоже будут звать Дмитрием. Фурор был потрясающий. У меня до сих пор висит над папиным столом афиша об этом вечере.

1 мая 1993 г. В Москве произошло кровопролитие у Калужской заставы (площадь Гагарина). Собрались партии, несогласные с правительством, и решили устроить шествие (первомайскую демонстрацию). Власти послали ОМОН. Один убитый, 70 раненых, четверо – тяжело. Очень страшно. Не начало ли это гражданской войны? Говорят, что 9 мая может быть заваруха.

9 мая 1993 г. Подхожу к прилавку в магазине, цены чудовищные: заграничная чечевичная закуска в пакете 3120 рублей, тут же – луковая приправа, такая же дорогая. Рядом старушка, обескураженная ценами, спрашивает меня: “Это что за лукавая приправа?” – “Луковая, бабушка”. – “А чечевицу у нас в деревне бедняки ели, а тут три тыщи стоит”. – “Да, бабушка, всё для богатых”. – “А нам-то, милая, чего кушать?” – спрашивает старушка. “Не знаю”, – отвечаю я, потому что действительно не знаю.

9 мая ждали каких-то неприятных событий, но обошлось, так как демонстрантам дали идти там, где они хотели. Они несли портреты Ленина, Сталина, лозунг: “Вся власть Советам!”

Какое тяжёлое время, а у нас – малышка, тянуть её ещё и тянуть. Одна надежда на то, что всё как-то утрясётся.

30 мая 1993 г. Познакомилась с пожилой дамой в парке, ей 80 лет, и 50 из них она проработала в Кремлёвской больнице. Получила звание заслуженного врача, какие-то ордена. Часто видела Сталина, измеряла ему давление. Они вместе с профессором Виноградовым приходили к нему почти ежедневно. Сначала их вели в большую комнату, где был накрыт стол, на котором были расставлены разные яства: фрукты, вина, пирожки. Сталин целовал руку Нине Ивановне (имя я изменила): приглашал к столу, наливал вина, предлагал фрукты, потом она измеряла ему давление и уходила.

Видя Сталина, испытывала невероятный трепет, нечто родственное гипнотическому состоянию, потом она не могла вспомнить, что говорила, какие вопросы он ей задавал. Все окружающие – прислуга – его боготворили. Держался Сталин исключительно вежливо, сдержанно, дружелюбно.

Василий – сын Сталина, был её пациентом. Каждый раз перед вызовом к отцу два дня она приводила его в чувство после непрерывного пьянства: он лежал под капельницей, пил лекарства. Василий носил грубое солдатское бельё, даже немного поношенное. И он, и Светлана, и Сталин в быту были очень просты и непритязательны. Василий жаловался Нине Ивановне, которую иногда называл своей второй матерью, что он очень одинок после смерти матери, семья их фактически распалась.

Я вспомнила, как моя мама – Людмила Ивановна Кедрина – дружила с Анной Сергеевной, сестрой жены Сталина, после её возвращения из лагерей. Помню, как они с мамой собирали посылку для Василия Сталина в казанскую тюрьму, где он сидел при Хрущёве. Почему-то долго не могли найти какую-то любимую Васину колбасу. Посылку собирали у нас дома, а потом несли на ближайшую почту.

Ещё я помню, как на каком-то вечере в ЦДЛ Анна Сергеевна сидела на ступеньке в светлом платье в цветочек, все места были заняты.

Светлана Сталина много раз пыталась устроить свою семейную жизнь: Мороз (отец развёл), Жданов (сама развелась, ссылаясь на то, что его мать – Салтычиха), Каплер... Светлана была одинока и металась.

Берия все ненавидели и знали, что он – чудовище, считали, что все беды в стране – от него.

Видимо, многое помнит эта женщина и может рассказать, но она больше в парк не пришла, может быть, жалеет, что была со мной столь откровенна.

* * *

15 июня 1994 г. Мы дошли до точки: нет денег на продукты. Витамины едим только в Черкизове – мой салат из трав, благо – бесплатный. Но Наташа его не признаёт. “Что я – коза, что ли?” – с возмущением говорит она.

Однажды утром мы обнаружили, что у нас нет денег даже на хлеб. Я тут же сообразила, что можно продать возле детского магазина “Смена” Дашины ботиночки – заграничные, в хорошем состоянии, кем-то подаренные нам. Можно ещё кое-что собрать из детской одежды. Сейчас же вещи были собраны, и мы с Георгием отправились к магазину “Смена”. Там со своими товарами уже стояли женщины. Как только они замечали милиционера, мгновенно сметали свои вещички в большие сумки и стояли с независимым видом. Я пристроилась рядом с ними, разложила Дашины вещички, её беленькие с синим ботиночки, туфельки, из которых она выросла. Все проходили мимо моего товара, а одна женщина презрительно бросила: “Ношеное продают!” Георгий устроился неподалёку на железной трубе и курил, курил без конца.

Вдруг показался милиционер, и женщины мгновенно упрятали свои товары, я же, растерявшись, продолжала стоять. Милиционер подошёл ко мне и сказал: “Пройдёмте, гражданочка, в отделение”. И вдруг я взорвалась: “Да, да, давайте пройдем! Только я не виновата в том, что меня довели до того, что я продаю вещи своей внучки, хотя имею высшее образование. А вон мой муж сидит, он – участник войны! Ведите, ведите нас в отделение!” Милиционер посмотрел на Георгия, на меня и пошел дальше. Женщины вновь разложили свои товары, а одна спросила меня: “Ты что, сунула ему что-нибудь?” У нас всё-таки купили ботиночки и мы, радостные, кинулись в магазин, купили хлеба, масла, молока, колбасы и сигареты для Георгия. Когда пришли домой, девчонки кинулись к нам: “Мам, что продали?” – “Ботиночки”. В этот день у нас был пир на весь мир.

Унизительное чувство своей ненужности в этой жизни, которая выкинула тебя на свалку, охватило меня и долго не отпускало. И только творчество ещё держит, не даёт сдаться. Россия губит свой народ, вернее – власть, неумелая, бездарная, бесчувственная.

19 июня 1994 г. Мы познали самую настоящую нищету: больше недели вставали утром и не знали, на что купить хлеба. И тут я вспомнила стихи папы, написанные во время войны, в ноябре 1942 года, называются они “Ущерб”:

*Соль — на исходе.
Масло в банке тает.
Махорки —
горсть осталась про запас.
Муки — в обрез.
Картошки не хватает.
И керосина в примусе — на час!
Чай вышел весь.
Крупы и сахар съели...
Верь иль не верь,
А, видно, в самом деле
Тебе конец приходит, белый свет!*

Оказавшись на фронте, папа продолжает волноваться о нашем материальном положении. В одном из писем он пишет маме: “Мне стыдно здесь питаться, как в мирное время... зная, что ты с ребятами там голодаешь”.

Никогда не думала, что такое может повториться, да ещё в мирное время.

Мы с Георгием Ивановичем совсем оголодали, отощали и спали с лица. Хорошо, что Даша в яслях, хоть её там кормят. Отец её алименты не платит, собес куда-то переехал, Дашино дело затерялось, и мы живём на наши 150 тысяч (такие стали деньги) вчетвером. Наташа пишет статьи, но денег надо долго дожидаться, и платят гроши. Нас с мужем в это лето спасли грибы: было их в лесу великое множество. Мы жарили целую сковороду, а потом ели или с лапшой, или с кашей. Находила грибы я, а срезал их муж, осторожно, ножиком, чтобы грибницу не потревожить.

Я совсем “охляла”, как мама говорила, есть только одно желание – лечь на кровать и не вставать, а дел невпроворот. Встаю и делаю всё, что нужно. Тут у писателя Ивана Васильева прочитала: “В магазинах пусто, российские власти грозятся через неделю отпустить на волю цены, и что нас ждёт?” Действительно – что нас ждёт? Только одному Богу известно.

* * *

23 января 1995 г. Я где-то прочитала: “Самый счастливый человек тот, который принадлежит себе”. Но не всем это нужно, некоторые не переносят одиночества. Я же много лет мечтаю о том, чтобы никому не быть обязанной, хоть недолго, хоть полгодика, но не получается, всё время что-то находится важнее моего творчества, моих стихов, прозы, моих панно, и я покорно, как лошадь, впрягаюсь в новый воз. Сейчас главное – Дашенька, её здоровье, её развитие и воспитание. Она уже в ясельках, дедушка приходит за ней, а она тащит ему маленький детский стульчик, чтобы он сел, дедушка объясняет ей, что он маленький, и тогда Даша несет ему второй маленький стульчик. Нянька смеётся, говорит: “Даша – сто умов”. Так что этот человечек для меня самое главное на свете. И когда мы с дедушкой везём Дашеньку на саночках домой, я думаю о том, что наступит когда-нибудь лучшее время, когда мы сможем покупать в магазине самые лучшие продукты и самые необходимые для Даши вещи, и Даша пойдет в школу, а Наташа встретит свою любовь. Жизнь не может не измениться, а коли я живу, значит – не всё исполнила в жизни, что мне предназначено: работать мне ещё и работать, растить внучку, выпускать папины книги, издать мою книгу о нём, а может быть, и мой сборник стихов. Жизнь продолжается.